

Александр Лекомцев

Кикимора - надёжная жена

Александр Лекомцев

Кикимора – надёжная жена

«Автор»

2024

Лекомцев А. Н.

Кикимора – надёжная жена / А. Н. Лекомцев — «Автор», 2024

Дефицит ощущения проявления справедливости свойственно каждому человеку, да и, пожалуй, любому живого существу. Причиной эмоций может быть душевная рана, обида, смерть и болезнь близкого человека, летний град или наводнение, уничтожившие часть урожая... Да всё, что угодно, любое негативное явление, которое мы не готовы принять, порой и постичь своим сознанием. Эти короткие рассказы о том времени, когда существовал Советский Союз. Сегодня нет смысла сравнивать всё то, что было, с тем, что есть. В небольших сюжетных историях показаны характеры и «положительных», и «отрицательных» персонажей, в основном, семидесятых годов минувшего века, без преувеличения, Великой Страны.

© Лекомцев А. Н., 2024

© Автор, 2024

Александр Лекомцев Кикимора – надёжная жена

Корневщик Васильев

Прямо на травяном поле, под селом Черный ручей, тигр задрал двух коров. Одной бурёнке лапой вырвал хребет и так, что местами из лопнувшей кожи торчали прутьями поломанные рёбра. Вторую придушил, оставив её без задних ног. Участковый уполномоченный, капитан милиции Макар Устинович Гнямов, от гнева вращал глазами и говорил:

– Ну, если встречу эту кошку полосатую, то никак не пожалею! Лично пристрелю!

Прямо сейчас пойду и найду...

Бабы сдержанно плакали в платки, а Нестерику от горя пошатывало. Оттого она и присела на ствол поваленного дерева, сиротливо когда-то стоявшего в поле, и жалела всем сердцем не просто убитую, но ещё и страшно искалеченную, изуродованную, свою корову Милку. Она ведь не только кормилица, но и живое существо, ставшее, в сущности, членом семьи. Тяжело такое пережить.

Охотники тоже молчали, слушая, как свирепствует их многоуважаемый милиционер. А что тут ещё скажешь? Наверное, по большому счёту, он прав. Явная несправедливость просматривалась со стороны действий полосатой кошки. Вот и думай, почему так устроен мир. Одним, как говорится, все блага, а другим вот сплошные неприятности не только со стороны чиновников и начальников разных, но даже и зверей.

– Слышь, Устиныч, уймись! – от кого Макар не ожидал услышать, так это от Нестерики, – успокойся, говорю! Сам знаешь, что зверь серьёзно и основательно законом охраняется. Коров то у нас вон сколько, а полосатых кошек этих в уссурийской тайге пока не очень-то и много. А корова... Ну, что тут поделать.

– Я просто так говорю, – признался капитан милиции Гнямов, – злобу сорвать. А законы я сам знаю. Власть наша такую утрату... завсегда оплатит. Как обычно. Ты в накладе не останешься.

– Оно понятно. Но Милку-то мне уже никто не вернёт.

Капитан милиции попытался улыбнуться. Но получилось не натурально, натянуто. Весёлость изобразить милиционеру Гнямову не удалось. Тоска у людей в глазах и никакого задора. Все ведь свои в посёлке. Каждый друг друга понимает и поддерживает.

Правда, у некоторых на лицах читалась такая мысль: «Что там коровы, когда у нас почти прямо по селу тигры разгуливают. Это же прямая невидаль для тех же москвичей».

– Братцы, – обратился участковый уполномоченный к промысловикам и охотникам, – не трогайте вы тигра, прошу вас! Редкая ведь зверина. Уникальная. А не то ведь такой штраф за него получите, что грустно дальше и жить станет...

Почти все кивали в знак согласия головами, поддерживали убедительные доводы Гнямова. Действительно, кошка эта полосатая в сто раз, а то и более, ценней самой породистой коровы. Да и, по большому счёту, никто толком и не знает во сколько.

Только у корневщика Васильева, завязатого и довольно удачливого сборщика корня женьшень, щуплого старика с коричневой куцей бородёнкой, зеленовато-серые глаза лукавили. На лице Васильева, почему-то, было написано, что именно он втихаря и завалит тигра. Поэтому Макар Устинович фактически официально ему заявил:

– Не вижу в ваших глазах, товарищ Васильев, задора в наше замечательное завтра. Какая-то на лице тоска, понимаешь, зелёная.

– Так что, предлагаешь мне вприсядку плясать? – среагировал на слова милиционера корневищик. – Я, конечно, умею такое делать, но сейчас желания не имеется.

– Вы мне, товарищ Васильев, это бросьте, выражение своего лица с каким-то странным... намёком делать! Что со зверем случится, так лично с вас и спрошу.

– А если заворот кишок или дизентерия у него произойдёт, – пошутил сборщик женьшеня, – тогда что?

– Всё равно, спрошу, – как бы, не понимая или не принимая иронии старика, ответил ему участковый, – только так.

Сделав предупреждение Васильеву, капитан милиции Гнямов направился по дороге к селу. Чего людей успокаивать? Сами сознательные, всё поймут и перестанут волноваться.

У Васильева среди здешнего народа имелось устойчивое прозвище – Самородок. Гадать трудно, с каких пор его так величать стали, но то, что он, на самом деле был мужиком толковым, деловым, оспаривать из односельчан никто не стал бы. Кроме всего прочего, он корневищик классный и охотник удачливый. Зла никому и никогда не творил и не желал, а добра делал предостаточно.

Все помнят, как он приютил у себя в доме телятницу Наташку с ребёнком, когда та бежала, невесть куда, от пьяного разбушевавшегося мужа. Чего только не бывает в семье. Да и деньгами Васильев безвозмездно помогал тем, кто в них, в силу обстоятельств, нуждался. Ведь, что там греха таить, как правило, сборщики женьшеня – люди далеко не бедные. А если с ними регулярный фарт, удача, значит, то и подавно.

Главное, считали многие, что душа у старика – чистый, прозрачный таёжный родник. Пусть порой отдаёт от неё холодком, но зато она вся на виду. Оттого-то Макар Устинович, глянув на Самородка, тут же и смекнул, что на уме у Васильева что-то не совсем ладное. Потому и страшать стал ни кого иного, а Самородка. Впрочем, милиционер, всё-таки, глубоко сомневался в том, что Васильев готовится убить тигра.

Но кто его знает. Тут, как говорится, бабушка надвое сказала. Может, старик коров пожалел, а тигра на почве их убийства невзлюбил. Нельзя ведь быть добрым абсолютно ко всем людям и зверям, не получается так. Все ведь – существа разные. А закон ведь в тайге один даже для самых добрых и отзывчивых людей: если навредил, то и отвечай за содеянное по полной программе.

Думая про самые разные жизненные несправедливости, шёл себе Самородок таёжной тропой по свежим тигриным следам, возможно, готовясь совершить задуманное убийство, никак не считая это преступлением. Всячески он ругал коровьих душ губителя, чувствуя, что остывает помаленьку его злость к тигру. Почти канула она куда-то, скорей всего, в самую глубину его собственной души.

– Что же ты за червяк-человек, Даниил Тимофеевич, – ругал он вслух себя. – Чувственный... под старость лет стал, жалостливый какой-то. Как баба, ядрёна мать! Расчувствовался. Жалко ему тигра стало, видишь ли. А этой кошке не жаль было живую тварь губить? Задавил бы одну корову, ещё ладно. Зачем двух-то? Просто так, из баловства, получается.

Подзадоривал он себя всячески, чтобы мужиком себя чувствовать, в конечном счёте, и всякие там жалостливые мысли гнал взашей. Совсем не беспокоили его угрозы участкового, Самородок не наивен и не глуп. Это «полосатый матрас» он приговорит, что называется, в самое удобное время, и так запрячет в тайге, что ни одна милиция не найдёт. А с собой у него, на всякий случай, не только пятизарядный карабин, но и небольшой рюкзак с сухим пайком.

Тигриные следы были почти свежие, хотя и слабо, едва и кое-где отпечатанные. Они то пересекали охотничью тропу, то уходили в кустарник. Приостановившись, сорвал с высокой лозы-лианы довольно зрелую гроздь винограда. Пожевал чёрные, с лёгким синим налётом, ягоды. Оставшуюся их часть положил в глубокий карман штормовки. Потом опустился на колени, «читая» знаки, оставленные хищником.

– Никак баба, тигрица, – изумился Самородок. – Ух, ты, девка-разбойница!

Улыбнувшись себе в бородёнку, он с левой стороны, заросшей лианами лимонника и актинидией, стал обходить сопку, так, чтобы зверь, находящийся уже поблизости, не смог учуять присутствие человека. Лёгкий, едва уловимый ветер дул с той стороны, где должна была и находиться тигрица.

Осторожно щёлкнув затвором карабина, проверив, на месте ли патроны, Самородок пополз на бугор, придавливая животом жёсткие лапы орляка, который, почему-то, ошибочно называют папоротником. Ну, и не важно, главное, что он съедобный и полезный для человеческого здоровья.

Васильев вспугнул не только целую компанию самых разных козьяков и букашек, но и двух маленьких змей медянок. Очень опасные и ядовитые твари, несмотря на свой малый размер. Их тут всегда много. Да и не только их, а всяких и разных.

Внезапно перед ним на поляне предстало интересное зрелище, и оно его заворжило и, можно сказать, очаровало. Два маленьких жёлтых тигрёнка барахтались на мягкой и не такой уж и редкой траве, под названием «заячья капуста». Они резвились, как обычные домашние котята или щенята.

Поодаль, прижимаясь к огромному валуну, сидела их мамаша. Не отрывая от детёнышей глаз, она, то и дело, зевала. В стороне валялась одна чисто обглоданная кость, говорящая о том, что здесь недавно был небольшой завтрак. А вторая была ещё не съедена зверями, только начата. Потом ещё поедят... Теперь у тигриной семьи происходил короткий отдых.

«Что ж это так, – мысленно обратился Самородок к тигрице, – двух-то коров задрала? Вам-то и одной было бы много. Эх, ты...».

Увиденная семейная идиллия окончательно убедила Васильева в том, что стрелять по тигрице и тигрятам не стоит. В противном случае, не по-человечески получится, не чисто-плотно, жестоко. Он ещё немного понаблюдал за этим зрелищем, улыбаясь себе в бородёнку, похмыкал и сполз с бугра вниз.

Внезапно ему захотелось закурить, что он делал не так и часто. Но тут особый случай, у корневища вдруг в душе возникло уважение к самому себе. Почувствовал, как на душе потеплело. Он ведь был пусть малой, но частью природы, в данном случае, тайги, которую знал и понимал с малых лет. Васильев поле в карман штормовки за портсигаром, и спичками, в котором лежало с десятков папирос «Север». Но здесь, недалеко, от места обитания тигров, курить не стал, хоть и знал, что ветер дует в его сторону. Да и он находился за бугром.

Он осторожно поднялся, встал на ноги и спустился на тропу. А там уж задымил... всласть. Тут, вдалеке от семейства больших кошек, можно было не только курить, но громко разговаривать. А на бугре следовало быть осторожней. Зачем зверей злить или пугать? Увидит тигрица человека, мать своих малых детёнышей и скажет им: «Ну, детки, пришёл на нашу погибель Даниил Тимофеевич Васильев. Он-то не промахнётся, стреляя в нас из своего карабина. Теперь нам... конец!».

– Ага, – ухмыльнулся Самородок, вдыхая дым слегка папиросы, – вот совсем и не конец. Не такой уж жестокий и непонятливый Даниил. Грамотный он и понимающий».

Разговаривая сам с собой, вышел Самородок на большую тропу и там носом к носу встретился, столкнулся с капитаном милиции Гнямовым, у которого от внезапной встречи с Васильевым и быстрой ходьбы перехватило дух.

– Убил, всё-таки, тигра, да? – впервые в жизни Макар Устинович обратился к Самородку на «ты». – Отвечай, Васильев!

– Это что же такое получается? – спокойно начал растягивать слова добытчик женьшеня. – У тебя телепатия такая, что ли? Не знаешь, убил ли я зверя, а утверждаешь, что, всё же, порешил, кончил.

– Ты мне про телепатию мозги не кипяти, Даниил Тимофеевич. Эта самая телепатия Агафья Смыкина, заведующая столовой... Она видела, как ты в тайгу входил с карабином, при оружии, значит. Благо, она свою козу искать ходила... Вот на тебя и обратила пристальное внимание.

– А ты, Гнямов, про дела такие не болтай, коль ничего не ведаешь. Не убил я зверя. Так надо мне было.

– Не нашли, значит, вы его? – заговорил уже вежливей участковый уполномоченный. – Не обнаружили?

– Ошибаешься. Мы его быстро обнаружили вместе с моим карабином, – передразнил капитана милиции Самородок. – А вот убивать не стали, и все дела.

Надо сказать, что Макар Устинович сообщению Васильева уже внутренне, как-то, поверил, но, правда, не до конца. Потому он и предложил Васильеву пройтись до того самого места, откуда он наблюдал за тигрицей и тигрятами.

Заодно Гнямов не без гордости сообщил, что амурский тигр, гораздо крупней своих собратьев, бенгальского, тамильского и других. Разумеется, и африканский лев, намного меньше тигра и по размеру, и по весу.

– Это мне ведомо, – сказал Васильев. – Не всегда ведь стреляю, иногда и книжки умные читаю. Ещё знаю, что наш тигр может запросто запрыгнуть, к примеру, на высоту второго этажа, причём в зубах с коровой или быком.

– Ничего себе! А я этого не знал.

– Вот почему меня удивляет и обижает то, что наш зверь убил сразу двух коров, а унёс с собой меньше половины туши. Не по-человечески такое, то есть не по-зверски даже. Но у тигров, к моей обиде, такое случается. Ничего не поделаешь.

– Вы настоящий охотник, Даниил Тимофеевич, грамотный, добрый и умный человек.

– Ну, что я разве без тебя этого не знаю, товарищ капитан. Я ведь в молодости и ветеринарный техникум закончил. Можно было и в институт поступить, да передумал... Делом занялся. Чего дурака-то валять?

Они тихонько стали вползать на бугор. Гнямов с большим удовольствием смотрел на тигриную семью, улыбался.

Тигрица вдруг насторожилась и подняла нос к ветру и начала осторожно красться в противоположную сторону от людей, с ветреной стороны что-то почуяла. Но, может быть, и слегка подвёл её звериный инстинкт. Опасность почувствовала, но пока не сообразила, откуда она исходит.

– Теперь если сейчас же не сползем вниз с бугра, придётся её тогда точно порешить, -доверительно сообщил милиционеру Самородок. – А если защищаться не будем, то нам – хана... Она ведь с детьми. Ведь хитрая зверина, вперёд нас забежать сможет и трижды незаметно тропу пересечь. Правда, уже на ней нас она не тронет. Тигры шибко собачье мясо уважают...

– Поползли, – прошептал Устинович. – Нам таких неприятностей не надо.

Торопливо сползли вниз. Потом в быстром темпе отошли подальше от опасного места. И уже почти перед самым селом Самородок сообщил, что у него почему-то сохнет во рту. Пить хочется, никакой мочи нет.

Видать, такая оказия от волнения произошла и некоторого страха. Не без него ведь.

– И что, терпеть не можешь? – по-дружески, с участием спросил Макар Устинович. – Сейчас родничок встретим. Я знаю, где он находится. Сейчас я его найду.

– А чего его искать? – Самородок махнул рукой в сторону оврага. – Вон же он, под самым носом! Другой жидкостью в данном случае горло смачивать надобно. Да ведь сегодня и суббота... Не грех.

– Я ведь с собой, Даниил Тимофеевич, водку никогда не ношу. Я за тобой чуть ли ни в одних кальсонах побежал, а ты мне «горло сохнет».

– Голова садовая, – урезонил Васильев человека, который стал ему даже, в какой-то степени, почти родным и близким. – У меня не только нож висит на поясе, но и рюкзак за плечами имеется.

– Ну и что?

– А в нём располагается литровая фляжка. А в ней – чистый спирт. Немного, конечно, но нам хватит. Даже стаканчик на месте и кое-какая закуска. Знаешь, как чистый спирт пить?

– Знаю. Надо сделать вдох, но только не выдох, чтобы не обжечься.

– Верно. Как ты сказал, Устинович, так и есть. Так и будем поступать... по инструкции.

Они устроились рядом с оврагом, перед ключом. Самородок прямо на газете нарезал хлеба, колбасы, открыл консервную банку со свиной тушёнкой...

Налил в стаканчик немного спирта, протянул его Гнямову.

– Выпьем за то, – предложил Макар Устинович, – чтобы не распалась тигриная семья.

– Верно, – согласился с ним Васильев, – за это стоит выпить.

Повторив эту процедуру, по-очереди, пару раз, они собрали остатки продуктов, не забыли ещё почти что полную флягу, упаковали всё это в рюкзак. Встали на ноги. Но тут, как бы, между прочим, капитан милиции спросил у старика:

– А что, отец, когда ты по следу тигрицы отправился, была ли у тебя мысль убить её?

– Поначалу была, – признался Самородок. – Я и харчей с собой побольше взял. Думал, что зверь не так близко, а он почти под самым селом оказался.

Но крепко подумав, Васильев сказал, что, в общем-то, не убивать он тигрицу шёл, а посмотреть, что и как. Вроде, получилось. Посмотрел. В общем, переживаний и впечатлений на целую неделю людям хватит. Ну, ничего. Бабы слёзы вытрут и успокоятся.

Барановские родники

Глаза у Илюши слипались, подниматься с постели не хотелось. Утра, по-существу, ещё не было, всего лишь, едва пробуждался робкий серый рассвет. Это всё вырисовывалось в окнах не большого, но добротного крестьянского дома. Старик Баранов, осматривая на таёжной бамовской станции, куда приехал погостить Илья, терпеливо ждал пробуждения мальчика. Когда тот окончательно проснулся, Баранов улыбнулся в свои седые усы и сказал:

– Понимаю, утренний сон сладок. Вставать с лежанки трудно в такую рань, да ещё в первый раз в жизни.

Мальчик отбросил одеяло, поспешно умылся из рукомойника, висящего прямо в горнице. Завтракать не стал. Начал одеваться. Но одежда не слушалась его, никак не мог попасть в рукава куртки.

– Удочки и продукты я приготовил, взял с собой, – полушёпотом сообщил Баранов. – На воздухе, на природе у людей всегда хороший аппетит. А ты вон в ту фляжку, что на полке лежит, кваску ещё набери. Чаю налил я уже в большой термос. Всё, одним словом, нормально.

Илья так и сделал. Бросил наполненную алюминиевую фляжку в свой полупустой рюкзачок.

Взял с собой Алексей Павлович Баранов и пустую литровую флягу, чем удивил своего внука. Но старик тут же пояснил, что там прямо перед озером Глухим около десятка родников. Из под земли бьёт холодная и чистая вода и по травам растекается. Вот они и наполнят ей флягу. Такая живительная влага полезна для здоровья.

– Вспомнил! – сказал мальчик. – Мне бабушка про Барановские родники рассказывала. А почему они так называются, дедушка? В честь тебя? Ты ведь Баранов.

– Я ведь не революционер, не учёный, не художник, чтобы в мою честь что-то называть. Окрестили их потому Барановскими, что я их, можно сказать, почти первым обнаружил и людям показал. Вот они и Барановским стали. Здесь, в тайге, названия просто даются.

– Всё равно, получается, в честь тебя.

– Пусть будет так. Только мне-то особенно гордиться нечем. Я обычный человек, каких на земле, можно сказать, миллиарды.

Всё равно, Илье было приятно, что есть на Земле такие вот Барановские родники и вместе с ними скромный и добрый его дед Алексей Павлович Баранов.

Выходили из избы тихо, чтобы не разбудить жену Баранова Василису Авдеевну и внуку Ларису. Она была двоюродной сестрой Ильи, тоже одиннадцатилетняя. Приехала в гости к деду с бабушкой из Хабаровска. Илья и Лариса даже живут в краевом центре на одной улице, только учатся в разных школах. А высотные дома, в которых обитают, стоят почти рядом. Иногда они заходят друг к другу в гости.

Лариска перевернулась с одного боку на другой и захныкала:

– Дедушка, а меня с собой возмёшь? Я тоже хочу на рыбалку!

Из соседней комнаты вышла в халате Василиса Авдеевна и кивнула головой. Это означало, что она разрешает идти удить рыбу и внучке. А дед уж за ними будет смотреть во все глаза, Главное, чтобы купались и плавали на мелководе и под его присмотром.

– Ну что с тобой делать? – нарочно с недовольством проворчал Баранов. – Мы тебя ждём на улице. Одевайся!

Он закурил, попуская вперёд внука, затворяя за собой скрипучую входную дверь. Старик вцепился глазами в серую, едва алеющую кромку над горизонтом, собираясь, как будто, встречать появление солнца, именно, здесь, во дворе.

Илюша сосредоточенно извлекал из ткани куртки острие рыболовного крючка, которое случайно зацепилось там жалом ещё вчера, когда он заранее готовился к ужению рыбы. Лариску долго ждать не пришлось, и они сразу пошли через железнодорожное полотно, в сторону озера.

– Дедушка, а тебе совсем не хочется спать? – удивилась внучка, забегающая по тропе вперёд. – Совсем, совсем...

Её короткие резиновые сапоги были влажны от утренней росы потому, что она часто шла рядом с узкой стёжки.

– Я привык перед рассветом просыпаться, – просто сказал обходчик, – с молодости у меня это, с восемнадцати лет.

Что сейчас вспомнилось человеку, рано встречающему солнце. Железнодорожник, осмотрщик вагонов, выявляющий поломки подвижного состава... Надо вовремя их заметить, сообщить об этом вышестоящему начальству и, если есть возможность, устранить самому.

Но просыпаться рано он стал с давних, военных лет. На всю жизнь запомнит 22 июня 1941 года, бомбардировка советских городов ранним утром. Киев оказался в числе самых первых жертв. Фашистская Германия вместе с другими недружелюбными странами напала на Советский Союз вероломно, без объявления войны...

Что снилось тогда ему перед этим зловещим кошмаром, великим, неслыханным проявлением подлости Германии и многих европейских стран, которые встали на сторону нацизма? Казалось бы, невозможно вспомнить то, давнее, а он помнит.

А видел сон студент-филолог, как едет на каникулы на Дальний Восток, домой, к матушке. Утренний сон был сладок. Просыпаться не хотелось. Но его заставила открыть глаза бомба, прошившая пять этажей. Проснулся, а соседней комнат совсем нет. Там, где спокойно дремала его родная тётка Мила, у которой жил студент, зиял чёрный колодец. Лишь на обожжённой стене остались висеть часы-ходики, как бы, утверждая, что время не тленно, что оно, как раз, и рассудит, на чьей стороне правда и предстоящий праздник.

– С тех пор ты и встаёшь рано? – по-мужски, серьёзно спросил деда Илья. – Не спится?

Мальчик нёс своё удилище, сделанное из ствола ивы, горизонтально над землёй. Опасался, чтобы оно не зацепилось за ветки деревьев.

– Вообще, да. А иногда бессонница так насядет, что только чтение и помогает, – разоткровенничался Баранов. – Хорошие у нас книжки пишут, добрые. Правда, всякие встречаются и даже есть совсем глупые.

Тут Алексей Павлович пояснил, что падали ему под руку книги, где герои рассуждают и говорят так, как будто сошли с плакатов. А жизнь ведь совсем не такая... Но они, вот писаки-писарчуки, только «ура» и кричат. Но ведь неправильно это и смешно. Не дураки же книги читают.

Илюша внимательно слушал рассуждения старого путевого обходчика. Но и сейчас мальчик старался, пытался самостоятельно думать, рассуждать о смысле жизни. Прислушиваясь к шороху листвы и сонным выкрикам птиц, он сравнивал ровные городские аллеи, подстриженные под одну гребёнку, с тайгой.

Получается, что такие же деревья и кусты, но жизнь у них разная. Совсем иная гармония единства. Природный, естественный лес не сравнить с городскими парками и скверами. Может быть, потому Алексей Павлович часто ходит на рыбалку, да и в лес за грибами. Ведь давно на пенсии... Он видит красоту тайги, понимает суть её и хорошо знает.

Мальчик начал осторожно, как реликтовое растение, разглядывать своего деда Баранова. Худое коричневое лицо, тонкие губы, узкий подбородок, серо-седые волосы на голове, намного потемней усы, тоже смешанные с сединой. И глаза... Большие, бледно-синие, но горящие каким-то внутренним светом.

Всё это, вместе с его плавной, далеко не размашистой походкой, говорило о его спокойном, уравновешенном характере. Невозможно было поверить в то, что этот человек лет семь-восемь тому назад ходил на медведя и, что называется, брал его выстрелом почти в упор. Да вот ещё и родники с чистой водой в честь его люди назвали. Просто так ведь они этого не делают.

Лариска полусонно, как ночная птица, натыкалась на стволы небольших деревьев, время от времени тёрла глаза ладошкой. Догнав Баранова, которая, на сей раз, плелась сзади, задумчиво спросила у деда:

– А нейтронная бомба, это страшно, да?

Баранов кивнул головой.

– И кому только нужны всякие войны? – вздохнула девочка. – Зачем они?

– Всем тем, Лариса, они нужны, кто хочет поставить нас, советских людей на колени, – сказал Алексей Павлович. – Они мечтают сделать нас своими рабами. Наши недруги совсем не думают о будущем, забыли о природе человеческой, и ради долларов, собственного обогащения способны на любую подлость.

– А есть хорошие американцы? – спросила она.

– Конечно. Их очень много. Рабочему человеку, к примеру, не нужна никакая война, да и не только рабочему. Есть и среди капиталистов нормально мыслящие люди. Хотя ведь буржуи, всё одно – плохо. В нормальной стране их не должно быть.

– Дедушка, почему всё так происходит на Земле? – спросил Илья. – Разве люди не могут договориться друг с другом?

– Правители почти всех капиталистических стран не желают знать того, о чём и как думают их народы, – пояснил Баранов. – Это величайшее международное преступление. Но мы с тобой, Илья, мужчины и не допустим никакого безобразия на Земле.

– Конечно, не допустим, дедушка, – поддержал Баранова внук. – Всё и везде должно быть по-честному.

– Вот именно! – размышлял Баранов. – Миром земным скоро будет руководить справедливость и, понятно, что равенство и настоящая свобода. А там у них, за Океаном, да и во многих странах Европы, сам чёрт, ногу сломит. Сплошная «частная лавочка». Богато и беззаботно живут за счёт народа...

Вдруг Лариса остановилась и сообщила, что ей слышится звон колокольчиков. Такого ведь быть не может. Она знает, что птицы так не кричат.

Положив широкую ладонь на плечо девочки, Алексей Павлович сказал:

– Родники звенят, Лора. Там приостановимся и холодной воды во фляжку наберём. А там уже и озеро рядом. Будем карасей ловить. Они здесь большие и чёрные.

– Только караси? – спросил Илья.

– Не только, – ответил дед. – Там и речка горная рядом, а чуть подальше и равнинная имеется. Какая вам нужна рыба, такую и поймает, внучата.

А минут через десять они вышли к звенящим Барановским родникам. Немного отдохнули, Алексей Павлович наполнил водой флягу. Озеро Глухое было почти рядом.

Тропинка вывела рыболовов на большую ухабистую лесную дорогу, где стояла новенькая, слегка пропылённая «Волга». Навалившись плечом на кузов машины, стоял верзила и курил сигарету. Другой, поменьше ростом, копался в моторе. Потом они торопливо сели в салон автомобиля. Тявкнул мотор, и машина с места в карьер устремилась к изгибу дороги.

– Не местные, не наши, – заметил Алексей Павлович. – Странно только, почему они с рыбалки в такую рань уезжают. Вроде, с удочками. Значит, не браконьеры.

До озера оставалось каких-то сто метров. Илья давно уже ждал этого момента, и вот они пришли к воде, и совсем скоро будут ловить рыбу. Солнце уже виднелось между стволов деревьев.

Подул лёгкий освежающий ветерок, остро пахнувший дымом.

– Ребята, ждите меня здесь! – заволновался Баранов. – Я сейчас!

Он, бросив рыболовные снасти, опрометью бросился в чащу леса. Минута, две, три – и Баранов выскочил из кустарника:

– Илья! Лариса! Бегите в посёлок! В тайге пожар! Скажите людям, что виновники только что уехали на красной «Волге».

– А номера машины ты не запомнил, дедушка? – спросил Илья. – Ведь так проще...

– Нет! Не запомнил! Не мог же я заранее знать, что они поджигатели, – ответил Баранов. – Чего же вы стоите, дети? Бегите за подмогой!

– А ты, дедушка? – сонно спросила Лариска. – Ты не пойдёшь с нами?

С досадой Баранов посмотрел на детей и, наматывая плащ-палатку на руку и прихватив небольшой топорик, кинулся в сторону густого облака дыма.

Дети бежали, выбиваясь из сил, царапая лица о ветки деревьев, не разбирая дороги, попадая то и дело в заросли малинника, не чувствуя ни боли, ни усталости...

Посёлок мобилизовали быстро. Кто в чём, мужчины, женщины, старики, подростки мчались к реке с топорами и лопатами. Кто-то успел предупредить командиров соседствующей с посёлком воинской части... В течение трёх часов пожар был потушен, опасные участки вырублены, выпилены, перекопаны, пропаханы бульдозерами.

Обгоревшее тело Баранова нашли в далеко от того места, где он собирался ловить на удочку рыбу. Он лежал лицом вниз. Лесозаготовитель Василий Голухин с недоумением спрашивал всех:

– Как же это так, братцы, а? Ведь озеро рядом, да и река близко, ведь спастись же мог... запросто.

– Голова ты садовая, – вздохнул шофёр «Зила» Трошин. – Дело то ведь в том, что Алексей Павлович не спасался, не в его правилах. Он с огнём боролся до самого последнего...

– Это правда, Гриша, – согласился с ним Голухин. – Я тоже хорошо Баранова знал. Упёртый старик... был.

– Посмотри вот туда, – показал слегка обожжённой рукой в сторону хвойного леса шофёр. – Видишь, лиственная полоска... Гасил старик огонь плащ-палаткой и рубашкой, и голыми руками наклонял, подминал горящий кустарник к земле, чтобы к лиственницам огонь не пробрался. Потом топориком орудовал. Всё у него получилось.

– Огня Алексей Павлович к хвойному лесу не подпустил, стойко держался. Побольше нам бы таких людей, как он, и сейчас, и потом. Но всё одно. Был человек – и нет его. Всё забывается, – лесозаготовитель прислушался к чуть слышным звукам в стороне. – Слышу какой-то шум и даже звон. Неужели не всё потушили?

– Всё потушили, – ответил шофёр. – Это Барановские родники звенят.

Точно. Я про них и забыл.

Илюша и Лариска, насупившись, стояли поодаль от безжизненного тела своего деда, не решаясь близко подойти к нему. Мгновениями им чудилось, что он спит, а когда проснётся, пойдут они с Алексеем Павловичем, может, не на это озеро, а на другое или на речку. Их здесь много. Но, всё равно, свой путь они продолжат мимо Барановских родников с чистой водой. Их не обойти. Забросят ребята удочки, и тогда он доскажет им историю, поведаёт о своём давнем и обычном житье-бытьё.

Кикимора – надёжная жена

Тайга просыпалась. Рождались первые лучи утреннего солнца, и потому она больше не могла находиться в состоянии дремоты. Да и птицы уже порхали в густых кронах деревьев, подавали голоса. Начинали питаться жучками, гусеницами, червячками и прочими земными бессловесными тварями. Проснулись крупные и мелкие звери. Некоторые из них, особенно, медведи находили удобное место для лёжки и после ночной охоты погружались в сон.

Знобило Пастухова от того, что утро в верховьях гор довольно свежее. Да и ватник, на котором он спал, частично стал сырым, влажным. Рука его, посиневшая от холода, оттянулась к фляге, где ещё вчера булькало дешёвое вино, приобретённое в одном из продовольственных магазинов горняцкого посёлка. Ушёл же в горы Пастухов от угрюмых и по-трезвому серьёзных домов ещё вчера вечером.

Во фляге было пусто. Жажда мучила, как это бывает у простых смертных, не исключая и тех, кто по утрам привык похмеляться... Пастухов, пошатываясь, встал на ноги, сделал несколько шагов, и его очень удивило то, что до сих пор какая-то неведомая сила мотает его тело из стороны в сторону. Ведь спал, как кум королю, ни разу не просыпался.

– Впрочем, вру, – вслух признался он самому себе, – один раз было, – один раз было, пробудился.

Почему резко проснулся, причём, в невероятном страхе? Привиделось, что падает прямо на него каменный дом, в котором он живёт. Пастухов во сне упёрся руками в него и держал так, что суставы трещали. А на балконе стояла жена его, Нона, опостылевшая ему изрядно. Кикимора болотная. Правда, симпатичная, ни чета многим местным женщинам. Но, всё равно, Кикимора, которая вместе с домом падала на него.

Вот тогда он и проснулся среди ночи, в ужасе, до сумасшествия поражаясь тому, что лежит в тайге, прямо на земле, и упирается руками в массивный ствол кедра. А Нону он любил и ненавидел по-своему, по-мужицки, как сам считал, сурово и справедливо. Если надо было ему что-то у супруги спросить, он к ней и обращался, к примеру, так: «Кикимора болотная, а что у вас там за девица крашенная в гастрономе работает?».

Когда был не весел и питал зло к супружнице, повышал на неё голос и порой не кричал, а шипел: «Ты что это, Кикимора болотная, опять не обед, а силос на стол подаёшь? Такое жрать невозможно». А когда в мягкое, доброе расположение духа входил, тогда «кикимора» звучало ласково.

Он считал, что у них было всё в порядке, как в любой нормальной семье – и мирные беседы, и скандалы до потолка. Но он почему-то вчера пьяный ушёл в горы ночью, впотьмах. Но не забыл прихватить с собой бутылку «Вермута» и флягу, в которой что-то... «значилось». То есть плескалось. Ушёл со стонами, со скупыми мужскими слезами и проклятиями в адрес жителей всей Земли.

Не понимала Нона его – вот и всё. И на работе тоже не всегда понимали. Ценить ценили, но вот понимать отказывались. Пьёшь, Петя, как суслик, а ведь ещё, мол, в забое работаешь. Нормальный горняк с отбойным молотком, но не устойчивый к алкоголю. Разве же можно так себя вести на людях и основательно опускаться?

Но вот теперь Пастухов вспомнил, как всё произошло. Вчера вечером пришёл Пётр после всяких таких товарищеских нравоучений домой навеселе и спросил жену мягко, почти ласково, но слёзно:

– Болотная, почему меня почти все люди не любят?

– Петя, у меня ведь имя-то людское есть, – тихо произнесла она. – Разве ж я коза какая-нибудь, чтобы меня так называть?

– Я же не сказал, что ты – кикимора, а по-человечески – бо-лот-на-я...

– Тебя есть, за что не уважать. Грубый ты, Пётр, и без царя в голове.

– У меня, – он ударил себя ладонью по лбу, – здесь, в голове, никаких царей быть не может! У меня там... республика. А про царя ты мне не ерунди... На нашей земле никогда больше не будет воров-капиталистов. Они нам ни к чему!

В таком состоянии он и ушёл из дома. Застряла в его пьяном мозгу мысль – уйти. И зашагал Пастухов довольно уверенно в сторону гор и тайги и казался себе совершенно трезвым. Нона что-то кричала ему след и плакала, как обычно, как всегда.

Да, в принципе не так далеко он от дома-то отошёл. Всё рядом – и горы, и тайга. А сейчас у Пастухова голова от неимоверной боли раскалывалась. Но настроение поднималось, становилось относительно бодрым, игривым, потому он и пел:

– Ты, похмели, похмели меня

Таким, какой я есть...

За ближайшим деревом что-то мелькнуло. У Пастухова от неожиданности кольнуло в коленке.

«Медведь, – с уверенностью подумал он. – Да и плевать, что медведь!»

Пастухов слышал, как один ловкий геолог косолапым ударом кулака свалил. Убил, короче говоря. Может, наврали люди. Много на белом свете мастеров сказки рассказывать. Но ему про этот случай рассказали на работе свои мужики, поэтому он с трудом, но в такую историю поверил.

Он поднял с земли толстую увесистую палку и задумал тоже... хлопнуть медведя, как муху. Чего с ним церемониться? Решительно пошёл навстречу приближавшемуся шуму, ещё до конца не понимая, что не медведь это, а человек. Мишка, при желании, давно бы пьяного идиота на свои когтистые лапы принял... без особого усилия и стараний.

Увесистая палка выпала из его рук произвольно. Он узнал в «медведе» свою хрупкую жену. Но то ли по-привычке, то ли от радости неожиданной встречи закричал:

– Что ты тут шарахаешься, Кикимора?! А? Домой я ни на шаг! Я лесной теперь человек! У меня вся душа в ранах и частично – в крови.

Но когда он со стороны, на расстояние пяти-шести метров, внимательно посмотрел на свою верную подругу, ему больше уже не кричалось. Оцепенение нашло, причем, такое, что слезы покатались по щекам.

Слова его куда-то безвольно падали, в густую и холодную траву. Он видел её, заплаканную, ссутулившуюся от холода, дрожащую, как маленькая осинка на ветру.

– Что же ты плачешь? – спросил она её. – Почему ты плачешь, Нона?

– Ты болен, Петя, – прошептала жена и беззвучно зарыдала. – Ты очень болен...

Он хотел было возмутиться, заорать благим матом, даже ударить её, но не мог даже шелохнуться.

– Как же ты меня нашла здесь? – спросил он. – Ведь места хоть и не дальние здесь, но шибко-то глухие.

– Сразу за тобой следом отправилась. Ты ведь далеко не ушёл. Почти под самым посёлком и уснул.

– И ты коротала всю ночь в лесу? В таком лёгком платье?

– Да. Куда ж деваться?

– А ну-ка, – очень громко и нервно сказал он, – подойди ко мне!

Женщина отшатнулась от него в страхе. Закрыла лицо ладонями. Медленно спряталась за стволом дерева.

– Нона, – теперь уже Пастухов глотал слёзы, – жена моя милая, подойти ко мне. Подойти... Я тебя не обижу.

Она не двигалась, и Пётр не стал ждать, когда жена сделает шаг в его сторону. Сам подошёл к ней.

– Нона, славная и надёжная жена моя, что же ты так? – причитал Пастухов. – Ведь наверняка простыла. Ведь застудилась точно. Возьми мою телогрейку!

– Да, что ты, Петя, – смутилась она, надевая на себя влажную и пропахшую потом фуфайку-стёганку. – Что ты беспокоишься?

Она печально посмотрела на мужа, как бы, решаясь что-то важное ему сказать, и столько грусти было в её глазах, что на мгновение он отвернулся от них.

– Лечить, Нона, я сам себя буду, – глухо сказал он. – Больше ни грамма спиртного в рот. Слово рабочего человека!

Разумеется, в эту резкую и добрую перемену она не верила. После длинных и угарных запоев Пастухова в такое чудо не поверил бы самый великий оптимист или медицинский академик, внушающим алкоголикам, что пить водку – не очень хорошо и даже противоестественно.

Нона невольно усмехнулась, икая и вздрагивая от холода.

– Да что же ты, – забеспокоился Пастухов. – Давай я сейчас костерок организую. Спички у меня в рюкзаке, в общем, и в кармане есть. Сейчас, Нона, один момент!

Довольно быстро Пётр насобирал сухих веток и зажёл костёр. Когда он, как следует, разгорелся, супруги Пастуховы устроились рядом с жарким пламенем, он трогательно и нежно, и одновременно в сердцах сказал:

– Жаль, чёрт возьми, что всю «бормотуху» выпил!

Понятно, что она сейчас с грустью и с разочарованием подумала: сколько волка ни корми, а он, всё одно, в лес просится. Но Пастухов не понял естественного смятения души своей жены. Он пояснил супруге своей, что сначала надо, как следует, согреться, а потом уже идти домой.

Да и он сейчас неважно себя чувствовал, боялся, что и не добредёт до посёлка. Никаких сил нет. Нона погладила его по голове:

– Я понимаю, Петя, что сразу тебе трудно бросить... Надо постепенно. Или просто поменьше пить, как все, немного и не так часто. Я когда побежала вслед за тобой, то из комода непечатую бутылку с водкой успела захватить.

– Откуда у тебя водка, Нона?

– Всегда есть. Для тебя, на всякий случай. Вдруг тебе совсем плохо будет. Держу... А теперь взяла её с собой... Вернуть тебя домой хотела. Звала, кричала, но ты ничего не понимал.

– Где эта бутылка?

– Я с тобой всю ночь рядом была, и она вон там, под соседним деревом.

– Под соседним, под соседним, – проворчал он. – Сейчас найду.

Пастухов разгрёб траву в указанном месте. Быстро отыскал бутылку. Потом достал из рюкзака кружку. Сбегал к соседнему роднику, сполоснул её и фляжку, которую наполнил чистой холодной водой. Перед этим он не забыл обнять уже согревшуюся у костра жену и бросить несколько сухих веток в огонь.

Он откупорил бутылку, и заполнил водкой половину кружки, и протянул её Ноне.

– Что ты, что ты, Петя! – замахала она руками. – Я не смогу...

– Сколько сможешь, Нона, – он заговорил торопливо. – Выпей за любовь нашу, за то, чтобы я никогда больше не пил спиртное. Выпей, прошу!

Нона зажмурила глаза и выпила почти всё содержимое залпом. Потом сделала из фляги глоток ключевой воды. Почти сразу же тепло поплыло по её телу, и голова закружилась.

– Теперь ты, Петя, – пробормотала она, – выпей!

– Я не пью, – с натугой прохрипел он, как будто, ударил сам себя кулаком по голове. – Ты же знаешь, Нона.

Но, всё же, опять взял в руки бутылку, зачем-то понюхал её горлышко, взболтнул чуть синеватую жидкость и зашвырнул стеклянную посудину со спиртным так далеко, чтобы уже никогда её не найти.

– Нельзя так резко бросать, – пьяно улыбнулась Нона. – Сегодня можно было бы и выпить, мой Кикимор... болотный.

«Неужели и я такой бываю?».

Он обнял жену и сказал:

– Сейчас я потушу костёр, и мы пойдём!

Она с готовностью встала на ноги. Пётр тщательно полил костёр водой, несколько раз наполнял флягу из ключа.

– Пошли, – Нона слегка покачивалась, – я готова.

Пастухов с благодарностью за все, что было и есть, поцеловал жену. Настоящая женщина... Не подделка. А ведь он этого ещё вчера не видел и не понимал.

Нона прижалась к нему всем телом, согретая и теплом костра, и водкой, и, главное, любовью, и предложила:

– А может, Петя, вспомним молодость, поваляемся на траве.

– Я тебе поваляюсь, – шуточно погрозил он жене пальцем. – Совсем простыть хочешь?

– Мне уже жарко...

– А это от нас, Нона, не уйдёт. Ещё поваляемся и много-много раз. Теперь-то у меня времени больше будет, да и ребёнка нам надо бы... А то всё, как-то...

Всё случилось наивно, но глуповато, как в какой-нибудь недавно придуманной зарубежной сказке, но по-доброму. А так ли всё будет, как пообещал Пастухов, неизвестно. Там видно будет, и жизнь покажет...

Останови мой поезд!

Это была не ссора. Скорее, тот момент, который умудрённые жизненным опытом люди называют не наивысшей точкой напряжения, а всплеском необоснованного, по-детски, наивного упрямства, ещё непонятной обиды. Юлии, юной жене Игоря, не нравилась профессия мужа.

Что говорить, машинисту электровоза постоянно приходится бывать в поездках. Часто он не ночует дома, поезди за поездками. Умом она это постигала. Но настолько была привязана к мужу, что даже краткие разлуки портили ей настроение и даже иногда вгоняли в тоску.

– Мне страшно и скучно по ночам одной, – жаловалась ему Юля, переводя стрелки будильника. – Всякие ужасы про тебя снятся: то ты бежал по шпалам и на стрелку налетел, то твой электровоз вместе с вагонами с рельсов сошёл и начал на бок заваливаться...

– А ты знаешь, Юля, что делать? – шуточно спросил он, снимая с себя железнодорожную форменку. – Ведь всё просто.

– Что делать? – прошептала жена. – Что?

Она слегка приподнялась на цыпочках. Он погладил Юлию по голове, по мягким светлым волосам.

Потом едва заметно отстранился от жены, взял из её рук будильник, поставил на стол.

– Подожди! Дай мне раздеться, умыться, привести себя в порядок, – сказал он, – и я тебе расскажу, что надо делать в таких случаях.

Она быстро подала завтрак на стол.

– Вот, допустим, – рассуждал он, – я сейчас ем котлеты, совершенно, безвкусные, недожаренные... Нет, ты на меня не обижайся. Это пример.

– Я старалась, Игорь...

– Неважно. Есть ведь, всё равно, что-то надо.

Он многозначительно медленно жевал, делал вид, что ест ради приличия. Строил из себя, как и сам понимал, шута горохового, хотя после ночной поездки был голоден, как волк. И она знала, что подай ему сейчас кирпич под майонезом, всё равно, съест, не заметит. Поэтому Юлия почти перестала обижаться на шутки подобного рода.

Но Игорь всё рассуждал. Глаза его слипались, а он не торопился выходить из-за стола:

– Ничего не попишешь, не буду есть, значит, голодным останусь... А у тебя – сон, глупенькая, сон... Следующий раз, когда увидишь аварию на железной дороге таким же образом, во сне, возьми и останови мой поезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.